

Все это я знаю из дедушкиных рассказов. Он не любит вспоминать о войне, но долгими зимними вечерами нет-нет да и расскажет какой-нибудь эпизод из своего военного детства. И теперь я уже его глазами вижу войну до подробностей, особенно ее первый день, — где и как он застал каждого. Этот день как заглавие всему тому, что началось с него и длилось без малого целых четыре года. И все, что связано с этим днем, например, предшествующий ему день мирной жизни, приобрело теперь все большую ценность личного воспоминания и все большую знаменательность.

В деревне не было радио, и дом, где жил дедушка (я так и буду его называть — дедушка, хотя было ему тогда всего тринадцать лет), стоял на отлете от усадьбы колхоза. «Новость» принесла с улицы маленькая Поля, игравшая там с детьми. Было что-то тревожное и несуразное в ее детски сбивчивом изложении, и дедушкина мама строго прервала ее, как бы вынуждая ребенка откачаться от тех слов, что уже были так или иначе сказаны: «Было по радио... звонили из сельсовета...». Но Поля с раздражением, обидой и уже близкими слезами в голосе упрямо по-

вторяла: «Не болтаю! Я сама слышала, все говорили». Дедушка выбежал на улицу и направился к колхозному скотному двору. Он помнит, что пошел по улице нарочно тихо, как бы прогуливаясь, хотя это было трудно. Возле скотника стояло несколько пустых телег. Мужчины и женщины сидели на груде прошлогодней соломы и молчали. И когда дедушка увидел, как они сидели и молчали, он уже мог ни о чем их не спрашивать. Они ответили на его приветствие так тихо, скупно и строго, как будто тут был покойник.

ВОЕННОЕ ДЕТСТВО ДЕДУШКИ

Но и эти люди в самом глубоком своем, унаследованном от предков, глубоко личном осознании начавшейся беды не могли, конечно, в тот день довести ее мысленно до занятия немцами их деревни Белозерова.

Не мог и дедушка своим детским умом даже помыслить об этом...

И жизнь продолжалась... Вот уж без чего невозможно представить крестьянский дом и весь мир дедушкиного крестьянского детства, так это без огорода. Весь участок окружал часток из сухих палок.

Огород — рай не только дедушкиного детства. Это рай и маленькой Поли, дедушкиной сестры.

С каждым весенним, а затем и летним днем огород становился все пышнее, все широколиственнее. Все было заманчиво, все непостоянно, все росло и двигалось на усадьбе.

И в то первое военное лето дети с тем же нетерпением ожидали первые упругие темно-зеленые листки картошки, слабые побеги капусты, игольчатые стрелки лука, тонкий ажур укропа. С каким восторгом ждали и находили они в этом раю детства то первый огурец, то первый стручок горошка! Да разве можно описать, а тем более рассказать все удивления, все наслаждения, что приносила усадьба?

А вокруг полыхала война. Кольцо вокруг не занятой немцами деревни все сужалось и сужалось.

Дедушка и представить себе не мог, что и весна, и осень следующего 1942 года будут наполнены горечью воспоминаний о том празднике, что еще царил вокруг них. Сами, без папы (он уже был на фронте), зато в свободной еще деревне они копали картошку. На огороде мешки с картошкой. Дотронься — от них пыль. На бороздах все. Картошку поднять да бросить в гудок ведро нетрудно, а хоть одна картошка, да все помощь от малыша. И серьезно, и весело. Дедушка по-взрослому торопится, чтобы, пока тепло, собрать картофель с поля. Спешат, спешат, все в поту и в радости от работы. Недалек и вечер...

А вечером вытаскивает мать из печи чугун, полный разваренной картошки да и поставит его на стол. Кожица на картофелинах развернулась, как розовый лепесток, а под ней — горячий сахар. Скорее его солью да в рот, скулы аж сведет от аппетита. Мало одной картошки — другую, мало

снять. Фуфайка мешала ей идти и стала жутко тяжелой. Вдруг дедушкина мама, моя прабабушка, резко остановилась и долго-долго стояла задумавшись. Потом медленно положила сверток в снег, как тогда показалось дедушке, в овражек и громко крикнула: «Ну, чего стоите?! Бегом на станцию! Свету мы потом заберем».

И они медленно, будто нехотя, пошли вперед. Мама забрала у дедушки узелки, а Полю взяла за руку и тащила за собой. Дедушка понимал, что его мама решила спасти хотя бы их с Полей и что Свету они не увидят больше никогда. Это было выше дедушкиного понимания, да и его мама вряд ли в тот момент понимала, что она делает. Они прошли достаточно много, и тут дедушка резко повернул назад. Ни-

дедушкином доме. Это были «добрые» немцы. Каким-то чудом осталось тайной, что дедушкина семья — это семья коммуниста. Еще не было расстрелов, не было принудительных работ на благо «великой Германии», не было еще и отправки молодежи для работ все в ту же Германию. Все это было впереди. А сейчас шла зима трижды проклятого 1942 года.

Наступила весна. И вместе с ней пришло полное осознание, кто теперь хозяева и дедушкиной усадьбы, и дедушкиного огорода. Сажать немцы ничего не разрешили. И осиротевший огород зарастал осотом и сурепкой, которая в том году уродилась так, что дедушка та-

офицера и просит, и плачет за своего «непутевого» сына.

...А потом приходит осень с запахами сырости, отлежалых листьев, пустых полей и холодных дождей. И вместе с осенью приходит приказ отправлять всех подростков и всю молодежь на работу в Германию. Здесь зимой делать нечего, пусть потрутся на благо... Тут уже не спасут мамыны слезы и ее цепляния за голенища офицеров сапог. Надо прятаться.

И сидит мой добрый испуганный дедушка в сырой глубокой яме, заранее выкопанной в огороде для такого случая. Яма прикрыта какими-то обрубками деревьев и присыпана пожелтевшими листьями. И не радует дедушку такой знакомый и когда-то любимый запах осени, а только страх сжимает его мальчишеское детское сердечко. И нет конца этому дню, и нет конца этой жуткой ночи.

И на этот раз добрая мама спасла его. Отсиделся, хотя и натерпелся страху.

А вскоре была радость от освобождения его деревни. Немцы убежали, забыв захватить с собой самое необходимое. Красная Армия гнала их с родной земли. До освобождения, до полного освобождения всей страны было еще далеко. Но эта деревенька, эти поля, дедушкина усадьба были освобождены.

Потом был изнурительный труд в тылу врага. Теперь дедушка сознательно с раннего утра и до позднего вечера работал, работал, работал... Это был его личный вклад в победу над фашистской Германией. Дедушка был не на фронте, но все равно — он был на войне. Война вошла в его сознание, в быт, в домашний распорядок, в работу. Одни надевали шинели и уходили на фронт, а дедушка с утра надевал свою потертую телогрейку и шел на поле, в мастерские, на ферму — одним словом, туда, где в данный момент он был нужнее. И гордился от сознания того, что приносит сильную пользу Родине. До конца войны у дедушки уже было два года наработанного стажа.

На фронт дедушка так и не попал. Когда прогремел залп Победы 9 мая 1945 года, ему исполнилось 17 лет.

Изо всех случаев своего военного детства и отрочества, которые дедушка помнит на протяжении всей своей последующей жизни, чаще всего он вспоминает самый последний день войны. Многие и многие, кому выпало пережить этот удивительный день, вспоминают о нем как об одном из самых ярких жизненных впечатлений или даже самом ярком и сильном потрясении. Дедушка помнит каждую минуту этого дня до мельчайших подробностей. Он провел этот день словно во сне. И все-таки точно так же, как он всегда четко помнит, где и при каких обстоятельствах его захватили начало войны, так он видит и тот победный, заключительный день, час, миг. Дня этого именно там окончилась война, где он тогда находился.

А находился он тогда на поле и работал помощником тракториста. Он увидел, как, прихрамывая, радостно и быстро подошел к ним бригадир и пытался что-то сказать, перекричать шум и грохот трактора. Увидев лицо бригадира, дедушка все понял: «Победа! Великая победа!».

Окончился колоссальный значимости этап жизни и истории. Дедушке выпало на долю жить в суровое, трагическое, славное время, принимать участие в событиях исключительных. И еще. Ему чудовищно повезло. Он уцелел в страшной войне. Война окончилась, он был еще очень молод, что называется, вся жизнь впереди. Но он осознал это лишь впоследствии.

Вот и подошел к концу рассказ моего дедушки. Кажется, что ничего героического он не совершил, и никакие победы и подвигов за ним не числятся. Но я твердо знаю, что у меня героический дедушка и что из таких маленьких и незначительных, казалось бы, для Великой истории событий и складывалась Великая Победа.

Я понял: историю делают простые люди, а это уже немало.

Я хочу прокричать всему миру славу тем, кто освободил человечество от войны. Я хочу тихо и долго рассказывать своим детям о своем славном дедушке.

Александр КОНОНОВ.
Ученик 10-го «А» класса
орловского лицея-школы № 21.

ощутил ее дыхание где-то рядом.

Вечер... На улице мороз, а в избе светло и жарко. От печи дух — вкуснее нет. Мама выпекает хлеб. Изба пропитывается хлебным духом. И вот мама по ноху, по теплу чувствует, что пора. Открывает заслонку, лопатой поддевает кругляш хлеба, вынимает его, драгоценного, милого! Хлебушек! Сердце ликует и подпрыгивает.

И вдруг страшный, резкий стук в окно. И точно так же сердце подпрыгивает, но уже от предчувствия непоправимой беды, которая пришла теперь и в дедушкин дом.

Мама открыла дверь, и дедушка услышал в сенях шепот соседки: «Маша, собирай детей, и быстрее убегайте на станцию. Завтра в нашей деревне будут немцы. А ваша семья, как семья коммуниста, у них в списках. Если хочешь, чтобы дети были живы, убегай!»

Сборы были недолгими. Несколько узелков у дедушки в руках, маленькая Света у его мамы и шестилетняя Поля в какой-то неимоверно толстой и огромной фуфайке.

Путь на станцию неблизкий: километров пятнадцать полей. На улице шел сильный снег. Да что там снег — бушевала вьюга. Они упрямо пробивались сквозь бушующую стену пурги. Столбы крутящегося снега налетали и рушились на них, грозя свалить с ног, слепя и на мгновения лишая дыхания. Но дедушкина мама строго и молча шла вперед, низко пригнувшись, видимо, прикрывая от снега и удерживая в руках драгоценный живой сверток.

Дороге и метели не было конца. Они брели все медленнее и медленнее. Узелки в дедушкиных руках превратились в узлы с камнями, а Поля в своей безразмерной фуфайке хныкала и все порывалась е-

чего не было видно вокруг в этом крошечном мутно-белом аду. Свирилое кипение взбесившегося снега, казалось, заполняло весь мир. Дедушка, сложив ладошки рупором, кричал: «Света, Света!..». Он прекрасно понимал, что она его не слышит. Да и кричал он больше для смелости, чем для того, чтобы годовалый ребенок прокричал ему что-то в ответ. Опять облака снега, ринувшиеся ему навстречу, на мгновение ослепили его. Но он уже знал, что никакая сила не заставит его уйти отсюда без сестрички. Дедушке во что бы то ни стало нужно найти ее.

И тут он почувствовал, что все под ним оседает куда-то вниз, увлекая за собой. И он вместе с небольшой лавиной обрушился на дно овражка, который был не очень глубокий, но крут. Дедушка сильно ушиб руку при падении. С трудом начал выбираться из-под снега и... закричал от радости. Он наткнулся руками на сверток. Это была полузамерзшая Света, Светочка, сестричка...

В тот момент дедушка был счастлив и с детской непосредственностью думал, что все самое страшное позади. Но как же он ошибался! На станции, куда они с таким трудом все-таки добрались, уже хозяйничали немцы. Поезда, конечно, не ходили, и о том, чтобы уехать, не могло быть и речи. Пришлось возвращаться в родную деревню.

...Изба встретила их холодным и безмолвным зиянием окон. И в самой избе не было ни уюта, ни чистоты, ни хлебного запаха. Казалось, что все это они забирали с собой, а вернуть обратно забыли...

Вскоре в деревне были немцы. Они по-хозяйски обходили каждый двор, забирая все необходимое. А самое страшное, что несколько немецких офицеров остались жить в

кого «урожая» не видел ни до, ни после этого года.

Дедушкина мама с раннего утра и до позднего вечера была в поле. Техники никакой не было, поэтому все сажали вручную, но теперь не для себя, не для колхоза, а для немцев. Новые хозяева с немецкой педантичностью следили, чтобы на поле были все, поэтому маленькие Поля и Света целый день были предоставлены сами себе. Теперь и дедушка не мог смотреть за ними. Подростки, и он вместе с ними, засаживали нескончаемое, безмерное поле подсолнухами. Полуденная жара, солнце палит нещадно, пить нечего, да и нельзя. За всеми наблюдает немецкий надзиратель, правда, один, так как людей и у них не хватает. Надо следить за взрослыми — там сплошной саботаж.

... Взмах тяпкой, лунка, наклон, три семечка... И так без конца. У дедушки уже ломит спину, от жары кружится голова, но опять взмах тяпкой, лунка, наклон, три семечка... Хотя бы не эти изнурительные наклоны, а просто взмах тяпкой... И вдруг дедушку осеняет, как ему кажется, остроумная идея, которая чуть было не стоила ему жизни. Он наклоняется, делает тяпкой глубокую ямку и высыпает туда все семечки. Закапывает. А дальше совсем легко: взмах тяпкой, взмах тяпкой... «Все равно для немцев, все равно для немцев», — стучит в дедушкиной отяжелевшей от жары голове. Но не рассчитал мой милый и смелый дедушка, что не надо топиться, что на все остальные движения, которые он теперь не делает, нужно время. И вот уже дедушка далеко впереди всех остальных, и на душе свободно и легко.

Надзиратель тоже заметил, что один из подростков уж очень старательно ушел далеко вперед. И надзиратель догоняет дедушку и... «Саботаж!», — кричит он, выхватывая у дедушки из-за пояса пустой мешочек из-под семечек и тяпку из рук. Мальчишка пытается стремительно убежать и слышит, нет, скорее чувствует, что тяпка летит ему вдогонку. Он уворачивается, и — счастье! — тяпка прожужжала злой пчелой мимо уха. Теперь надзирателю дедушку не догнать...

А вечером его бедная мама униженно валается в ногах немецкого